

НАТАЛЬЯ РОЖКОВА

* * *

Я надену бабушкин платок,
Шарфик, что связала ночью длинной,
У дверей меня подруга ждёт,
Санька. Ей четыре с половиной.
Липкую ириску ей в ладонь,
И — вперёд, по лестнице, быстрее,
Чинной парой мисочки несём,
Кормим всех помойных котофеев.
Во дворе — сплошной Морис Эшерⁱ,
Мир весь отразился в луже сонной,
Правда, Санькин папа, например,
Обзывает «старую вороной».
Говорит: «дружить со мной — облом»,
Санька мне щебечет, словно птица, —
«Кто дурак, — того сдадут в деДдом»ⁱⁱ ...
Я и там найду, с кем подружиться!

МОИМ УШЕДШИМ РОДИТЕЛЯМ – ИЗОЧКЕ И ЖЕНЕ

Год промелькнул кометой бесхвостой —
Я ближе по возрасту к вам.
Не мамой и папой теперь зову вас, просто —
По именам.
В первый класс, собирая меня, говорили:
«Лектор готов».
И я шла рядом с вами,
В фартуке белом настолько — аж синем,
Под улыбчивым солнцем
Семидесятих годов.
И сейчас я всматриваюсь,
Как вы машете мне рукой.
Не разглядеть слабеющими глазами:
Вы прощаетесь, или зовёте с собой?

ЖЕНСКАЯ ДРУЖБА

Пусть на улице дождь или вьюга,
Слякоть хлюпает по тротуарам,
Я не скучаю — есть у меня подруга,

Звать её Кошечкиной Варварой.
Диабетом больна. Шьёт рубашки чужим любимым.
Если палец уколёт — лизнёт, улыбнётся снова:
«Кровь не сладкая, значит — преодолимо,
Значит, я, — говорит, — совершенно здорова!»
Мужа нет у неё. Влюблена давно в Брюса Спрингстина.
Доктор прямо сказал: «Жить осталось два года».
Как на батуте, на койке прыгает, услышав злую истину:
«Вот ведь здорово! Это ещё так много!»
Мы с ней стекляшки-«секретики» часто в саду закапываем,
Только Варя, волнуясь, твердит: «Осторожнее!
Если магма рванёт из земли заревом алым, закатным,
Отыскать мы с тобою секретки наши не сможем!»
Я, конечно, немного с нею шучу:
«Спрингстин рядом с тобой, — говорю, — слишком старенький!»
Лишь она отвернётся, тихонько в фан-клубы строчу:
«Милый Брюс, не забудь сложить песню специально для Вареньки...»

ПОЛЁТ В 2.45

Меганевра — гигантская стрекоза, жившая в каменноугольном периоде

Мягкий бархат небес
На востоке истёрся слегка,
Где-то изредка всхлипнет в ночи
Одинокая птица,
Разрезая на равные части,
Как ткань, облака,
Меганевра степенно летит
Над притихшей столицей.
На балконе от ветра трепещет,
Как знамя, бельё,
Опустевшая мёртвая площадь
Подобна пустыне.
Слышишь, крылья шуршат,
И квадратик сетчатки её
Отражает тебя и меня —
В настоящем, прошедшем и ныне.
Это странная весть,
Или — душный, пророческий сон...
И не скажет, пожалуй, никто,
Что здесь — быль или небыль.
Два часа сорок пять. И опять выхожу на балкон.
Я пока ещё здесь, на Земле,

Но уже и немного — на Небе.

* * *

Рассыпаны маски. Кончается ночь,
Светильник чадит среди зала,
Вповалку тела — так храпят, что невмочь!
Приходит конец карнавала.
Рассвет серолицый нетвёрдо бредёт,
Комета проносится мимо,
И мать одинокая сына зовёт,
И век до падения Рима.
Всё ходит старуха, всё плачет навзрыд,
И эхо роняет на плиты,
А сын под разорванной шторой лежит,
Для чьей-то забавы убитый.
Конец карнавала. Кружится листва,
Хрустит под подошвою лира,
Как уголь, черны за окном дерева,
И миг до падения мира.

НЕБЛАГОДАРНЫЙ

«Твоя каша пестрит изъянами,
Потому масла в ней — кот наплакал!» —
Мне сказал воробей по фамилии Воробьянинов,
При коммунизме живущий — возле «Макдака».

ПОЭТ

Последний день Помпеи.
В плащ закутан,
Стоит спасённый отрок, и глядит
На зарево, руины, мёртвых лица...
Он вырастет. В своих стихах бессмертных
Поведаёт об этом — и сгорит
Через века — в последний день Одессы.

ПРИЗНАНИЕ

*«Люблю тебя, Петра творенье...»
А.С. Пушкин*

Я тебя не люблю, Петербург — Ленинград — Петроград,
Потому что сидит на игле золотой, непогоде по-прежнему рад,

Серый грозный орёл; он за каждым движеньем следит,
Здесь Есенин вошёл в «Англетер», здесь был Пушкин убит.
Перья влажны от сырости вечной, и клёкот пугает людей,
Убежать бы от страшных квадратов твоих ледяных площадей!
Чутко дремлет корабль, что бабахнул тогда холостым,
Столько судеб сгубил, превратив их в две строчки и дым!
Отчего-то носил имя древней прекрасной зари,
Хоть на Запад смотрели стеклянные очи твои.
Плотник-царь, усмехаясь жестоко, здесь пот утирал,
Здесь монархов взлетали куски, караул караулить устал,
Если что-то осталось душе моей, и в голове,
Я щекой припадаю к любимой растрёпе-Москве.

* * *

Да, всё кончается до срока...
Над бедной родиной моей
Самозабвенно и жестоко
Поёт последний соловей.
Его заслушаемся трелью,
И в ожидании зимы
Одной укроемся шинелью,
Той, из которой вышли мы.

* * *

Вселенная была
Оранжевым цветком
И звёздная пыльца
На стебель оседала.
Я снова нахожу
Её в своих карманах.
Серебряно блеснёт
Среди табачных крошек,
Подсолнечной трухи
Знакомая песчинка.

* * *

Ты вновь не согласен с судьбою,
И ищешь картошку в золе,
Мы так задержались с тобою,
На этой весёлой земле!

Пусть ночь бесконечная длится,
Я выпью с тобой, и сама
За тающий снег на ресницах...
В Империи снова — зима.

* * *

Хорошо бы проснуться и знать,
Что никто не подложит подлянки,
Хорошо с антресолей достать
Свои старые детские санки.
И катаясь, глядеть в небеса,
Поискать там местечко для духа...
Что-то вдруг обожгло, как оса,
Это пуля царапнула ухо.

СОЛНЦЕ

Человек от гастронома
Нарочито бойким шагом
Шёл. На горлышке бутылки
Пальцы сизые сошлись.
Выхлопных паров истома
Наполняла воздух чадом,
Отраженья, как опилки,
В луже чёрной разлеглись.
А в бутылке солнце было,
Словно рыбка золотая,
Но никто его не видел,
Даже тот, кто нёс его.
И неведомая сила
Всех влекла, вперёд, не зная,
Что апрель Москву обидел,
Вместо солнца — ничего.
Вдруг хозяин пол-литровки
Поскользнулся; каменюка
Ему под ноги попался,
Брызги в стороны летят.
Люди пятятся неловко,
Шепчут: «Солнце, вот так штука!»
Словно шар земной проспался
И спешит на маскарад.

Загремела дробь капли,
Солнце в небо устремилось,
Воробьи запели песни,
Зажурчал ручей, как смех,
И, почуяв дух апреля,
Почки с треском распустились,
А в бутылке солнцу тесно,
Лучше светит пусть для всех!

НА КАРТИНУ Н. РЕРИХА «ПОМНИ!»

Только утром бывают такие хребты,
Горячают лучи понемногу,
Я желала пройти через всё, что ты,
И сегодня решилась: в дорогу!
Оставайся один, не грусти ни о ком,
Слушай всё, что споёт тебе птица,
Я обрезала косы холодным штыком,
Он сумеет ещё накалиться.
Может, мне не удастся вернуться живой,
Так прощай же, мой домик-калека!
Выходи, проводи, помаша мне рукой
На исходе последнего века...
За коня и за штык до земли поклонюсь,
И растаю в небесном просторе.
Или да, или нет! Я, как ты, не вернусь.
Мне на счастье подарено горе.

* * *

Лихо обогнув рекламный щит,
Самолёт бумажный твой летит.
Пусть летит, газетный славный птах,
Мимо боли, спрятанной в глазах,
Мимо опустевших городов,
Мимо неоплаченных долгов,
Мимо одинаковых овец,
Мимо чьих-то сморщенных сердец,
Детских снов, забывшихся уже,
Статуи Свободы в парандже...
Сядет он, на радость и беду,
Там, где шире трещина на льду.

ИЗ ДНЕВНИКА. 2020, 27 МАРТА

На улице — Босх и весна.
Редкие прохожие,
Задерживаясь у храма,
Крестятся; взлетают руки
В резиновых перчатках —
Как молодые, некрупные, белые
Голуби.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛА

Я из школы иду.
Настроенье — паршивое. Кол получила.
А всего лишь сказала, что знать не хочу
Никаких отрицательных чисел.
Ну нельзя от пяти яблок
Отнять шесть,
Это просто — какая-то ахинея.
– Давай дневник! Единица...
Бреду домой слишком медленно.
Припоминаю: когда мне было
Минус десять, минус двадцать, минус — и т.д.
Калейдоскопом проносятся:
Курская битва, Бородино, Куликово поле,
Парфенон, мамонт на расколотой льдине,
Чуть не забыла: до Парфенона ещё — Австразияⁱⁱⁱ,
Наконец — Лавразия^{iv}.
Минус дальше — Земля не остыла.
Из-за угла вылетает «Запорожец»,
Падаю — и глина мне кажется тёплой.
Так и осталась бы навсегда
В этом начале апреля
Под холмиком, на котором даже живые цветы
Выглядят искусственными,
И под чёрно-белым портретом,
Покрытом запотевшей слюдою,
Где я — в пионерском галстуке.
Сейчас бы пафосно воскликнула:
«Не судьба!» Тогда — промолчала,
Даже зареветь не успела от неожиданности.

Из авто выскакивает водитель,
Мат-перемат. Щупает: цела ли?
Я вырываюсь. Куртка и ленты в косичках заляпаны грязью.
Теперь домой совсем торопиться незачем.
А на другой стороне улицы
Вижу того, кого полюбить суждено.
Не сегодня. Потом как-нибудь.
Он ещё — первоклашка. Счастливый!
Не знает пока никаких
Отрицательных чисел.

ПРОСЬБА

Вверх на чёрную ткань погляди —
Там, как пуговица, звезда,
Видно, плохо пришитая,
Падает тихо с небес.
Я прошу третий раз:
Не ходи за грибами туда,
Где кончается поле и начинается лес.
Не спеши в этот август.
В вольтеровском кресле сиди,
Пусть он мимо тебя,
Из июля — в сентябрьский
Оранжевый пир.
Самовар допотопный
В чердачной пылище найди,
Отражающий суженный
По Модильяни, мир.
И не скажешь ты мне:
«Золотые шары укради,
У соседа, что злее
Собаки своей в конуре...»
Хоть до дня Валентина
Полгода ещё впереди
Не завянут они, нет для них
Февраля на дворе.
Это вам — не сердечки алеют
В витрине пустой,
Слишком чистой, промытой
До скрипа и тошноты,

Это ягоды кровью текут
Под медвежьей стопой,
И похожи на жёлтых,
Недобрых болонок цветы.
Не окончен июль. И так мало
Печальных примет,
И пока что весёлую песню на крыше
Играют дожди.
Не любимый, не друг, и не враг,
Ты мне просто — поэт,
Не ходи в этот август,
Я снова прошу: не ходи...

* * *

Казалось: прожито так мало,
И даль незримая звала,
Я старше Лермонтова стала,
Но ничего не поняла.

ⁱ Эшер Морис (Мауриц) – нидерландский художник XX века, мастер оптических иллюзий.

ⁱⁱ Вероятно, малышка имеет в виду дом для престарелых.

ⁱⁱⁱ Австразия – северо-восточная часть Франкского государства Меровингов (VI–VII вв.).

^{iv} Протоконтинент Пангея распался в мезозое на два континента – Лавразию и Гондвану.